

Валентин Пикуль

Полезнее всего – запретить!

*Часть сборника
Через тернии – к звездам.
Исторические миниатюры*

Через тернии – к звездам

Валентин Пикуль

Полезнее всего – запретить!

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Полезнее всего – запретить! / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Через тернии – к звездам)

«...Грешен, люблю начинать с конца – с могилы героя. Раскрываю второй том “Петербургского некрополя” и на 513-й странице нахожу искомого мною прохвоста. Вот он: Красовский Александр Иванович, тайный советник, председатель Комитета иностранной цензуры, 19 ноября 1857, на 77 году жизни...»

Валентин Пикуль

Полезнее всего – запретить!

Историческая миниатюра

Смею думать, русская цензура убила писателей гораздо больше, нежели их пало на дуэлях или в сражениях. Тема подцензурного угнетения писателя дураком чиновником всегда близка мне, и я дословно помню признание Салтыкова-Щедрина, столь обожаемого мною: “Чего со мной не делали! И вырезывали, и урезывали, и перетолковывали, и целиком запрещали, и всенародно объявляли, что я – *вредный, вредный, вредный...*”

“И заметьте себе, – подхватил Стасов в статье о Модесте Мусоргском, – урезывание никогда не распускает свою безобразную лапу над вещами плохими, посредственными. О нет! Урезывателю подавай все только самые талантливые, самые крупные, самые оригинальные куски – только над ними ему любо насытить свою кастраторскую ярость. Ему надо здоровое, чудесное, животрепещущее мясо, полное силы и бьющей крови!”

Вот как живописно отзывались великие о цензуре...

Не желая залезать в непролазные дебри прошлого, напомним, что в 1794 году рукою палача сожгли “Юлия Цезаря” Шекспира (в переводе Карамзина), а при Павле I был запрещен даже “Гулливер” Дж. Свифта. Пушкин тоже немало страдал от засилья цензуры, и, думаю, начат придется именно с него, хотя далее речь пойдет совсем о другом человеке...

27 мая 1835 года поэт представлялся великой княгине Елене Павловне, женщине умной и образованной. Об этом он извещал жену: “Я поехал к ее высочеству на Каменный остров в том приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир. Но она так была мила, что я забыл и свою несчастную роль, и досаду. Со мною вместе представлялся цензор Красовский...”

Великая княгиня сказала этому живоглоту:

– Вероятно, вас немало утомляет обязанность читать все, что появляется среди новой литературы?

– Да, – согласился Красовский, – это занятие нелегкое, паче того, теперь нет здравого смысла в том, что пишут.

“А я стою подле него”, – сообщал Пушкин жене. Но великая княгиня сама поняла несуразность подобного ответа; Пушкин в дневнике отметил, что Елена Павловна поспешила отойти от Красовского подальше, нарочно заговорив с поэтом о Пугачеве...

Я достаточно извещен, что у нас писать о цензорах не принято, но, смею надеяться, современные цензоры не обидятся, если я загляну в преисподнюю, где в поте лица трудился их достойный предтеча – Александр Иванович Красовский.

Время было под статью его мракобесию – время Николая I, о котором Герцен справедливо писал: “Николай Павлович тридцать лет держал кого-то за горло, чтобы тот не сказал чего-то...”

Чтобы не сказал лишнего, добавлю я от себя!

Грешен, люблю начинать с конца – с могилы героя.

Раскрываю второй том “Петербургского некрополя” и на 513-й странице нахожу искомого мною прохвоста. Вот он: Красовский Александр Иванович, тайный советник, председатель Комитета иностранной цензуры, 19 ноября 1857, на 77 году жизни.

Вышел он из семьи благочинной; отец его, протоиерей Иоанн, был духовным собеседником императора Павла I, служил сакелларием (смотрителем) придворной церкви; ученый священник, отец Иоанн оставил свое имя в русской этимологии, за что и попал в члены Россий-

ской академии. Отпрыск этого почтенного лингвиста, воспитанный в страхе Божиим, сначала подвизался в амплуа переводчика, затем был библиотекарем, а в 1821 году заступил на пост цензора и с этой стези уже не свернул, обретя славу самого лютейшего скорпиона. Сначала он служил в цензуре внутренней, досаждая писателям придирками такого рода, которые служили пищей для забавных анекдотов.

Например, Дашков жаловался стихотворцу Дмитриеву, что “у Красовского всякая вина виновата: самому Агамемнону в Илиаде (Гомера) запрещается говорить, что Клитемнестра вышла за него замуж будучи девой...” Красовский не уступал:

– Честь и хвала девице, сумевшей в святости донести до мужа самое драгоценное на свете. Но русский читатель – это вам не Агамемнон, и он, прочтя “Илиаду”, сразу пожелает разрушить непорочность своей кухарки или же прачки... *Нельзя!*

Какой-то поэт писал красавице: “Один твой нежный взгляд дороже для меня вниманья всей вселенной...” Красовский от любви был весьма далек, зато он узрел нечто другое:

– И не совестно вам писать, будто вы “близ нея к блаженству приучались”? Наша вселенная имеет законные власти, несущие всем нам блаженство свыше в виде указов или инструкций, а вы, сударь, желаете испытать блаженство подле своей любовницы... Так постыдитесь развращать наше общество! *Нельзя.*

Другой поэт датировал стихи в день Великого поста, и от этого совпадения Красовский пришел в тихий ужас:

– Ведь империя-то погибнет, ежели наши стихотворцы учнут прославлять любовные утехи в день Господень, когда каждый верноподданный желает возноситься душою к небесам, взыска у Господа едино лишь милостей его... *Нельзя!*

А что тут удивляться афоризмам Красовского, если генерал Дубельт, помощник Бенкендорфа, выразил отношение к русским писателям еще более вразумительно:

– Каждый российский писатель – это хищный зверь, коего следует держать на привязи и ни под каким видом цепи не ослаблять, а то ведь, дай им волю, так они всех нас загрызут...

Теперь понятно, почему Красовский был зорек, словно ястреб, который с высоты всегда узрит даже самую малую поживу. Рукою бестрепетной он похерил крест-накрест статью о вредности грибов, а соображения его были весьма здравыми.

– Помилуйте, – доказывал он (и доказал), – как можно писать о вредности грибов, ежели грибы постная пища всех верующих, и, подрывая веру в грибки, злонамеренный автор умышленно подрывает основы народного православия... *Нельзя!*

С юных лет Красовский был не просто бережлив, а скуп до омерзения. Изношенную одежду и обувь не выбрасывал, а год за годом складывал в особый чулан, называя его “музеем”; туда же помещал и банные веники, безжалостно исхлестанные по чреслам до состояния голых прутьев, без единого листика. Аккуратист, он развешивал свои старые портки, галстуки и помочи обязательно в хронологическом порядке:

– Сей сюртук нашивал я в царствование блаженного Павла Первого, упокой Господь его душеньку. Сими помочами я удерживал на себе штаны в царствование благословенного Александра, а сим галстуком запечатлел счастливое восхождение на престол ныне благополучно царствующего Николая Павловича, дай ему Божинька здоровья – во веки веков...

Касаясь научно-познавательной ценности этого “музея”, очевидец сообщал: “Всему имелась подробная опись, все барахло každолетно проветривалось, выколачивалось, чистилось, проверялось по описи и потом бережно укладывалось в хламохранилище камердинером Красовского – как бы директором этого “музея”, уже впавшего от нравственного влияния своего барина в полнейший идиотизм”. На полках “музея” хранились бутылки с вином, которого Красовский не пил, и банки с вареньем, которого он не пробовал. Все – для гостей! На каждую бутылку или банку заводилась особая мерка, чтобы проверить честность “директора”, и “горе ему, если бывали недомерки: Красовский пилил его своей говорильней с недельным заво-

дом...” Зато на каждой посудине было аккуратно отмечено: в таком-то году и такого-то числа из сей бутылки отпито г-ном Бухмейером полрюмки, а из этой вот банки мадам Яичкова изволила откушать две ягодки...

Веселая жизнь, читатель! Не правда ли?

Женщин Александр Иванович упорно избегал, находя в этой отрасли человечества нечто сатанинское. Кроме того, из рассказов мужей он был достаточно извещен о том, что женщины такие мерзкие твари, для которых великая мать-природа изобрела различные магазины, где они возлюбили тратить деньги, заработанные честным мужским трудом, а посему – ну их всех! И без них проживем, копейка в копейку, глядишь, и рубелек набежит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.